

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНО-УРАЛЬСКОЙ МИЛИЦИИ В ГОДЫ НЭПА

Салмина С.Ю.

*Салмина Светлана Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра экономической теории и регионального развития,
Челябинский государственный университет, г. Челябинск*

Аннотация: в статье анализируются проблемы кадрового обеспечения органов внутренних дел на Южном Урале в условиях перехода к новой экономической политике. В статье использованы архивные документы того времени, позволившие автору воспроизвести историческую обстановку и экономические условия начального периода нэпа.

Ключевые слова: органы внутренних дел, новая экономическая политика, уровень образования и воспитания.

Проблема кадрового обеспечения южно-уральской милиции в годы нэпа представляет особый интерес. Прежде чем говорить о правовом положении милиции, необходимо в общих чертах воспроизвести социально-историческую обстановку, в которой жили и работали сотрудники органов охраны правопорядка. X съезд партии, состоявшийся в марте 1921 года, принял решение о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике, что предполагало ряд преобразований в экономической, социальной и политической сферах. В городах наблюдалось оживление и рост слоя мелких и средних предпринимателей – нэпманов, владельцев торговых заведений, мастерских, кафе, ресторанов и так далее.

Челябинск не был в этом отношении исключением. Вот как описывал ситуацию, сложившуюся в сентябре 1922 года, секретарь Челябинского губернского комитета партии А.Сидоров: «В городе чувствуется оживление мелкой буржуазии и спекулянтского мира, хотя по сравнению с Москвой – это капля в море. Сказывается оживающий мелкобуржуазный, нэпмановский элемент и начинает чувствовать себя хозяином в ущерб рабочим и городской бедноте. Каким-то образом этот всюду проникающий элемент обходит коммунистов и добивается того, что ему нужно. Впечатление такое, как будто советские органы в условиях новой революционной законности потеряли силу классовой диктатуры. Задача партии – избавиться от влияния в городе нэпмана, в деревне – кулака [1, с. 59]. На фоне всеобщего недокомплекта кадров эта проблема была особенно трудно разрешима. «Где люди?» - спрашивал начальника Челябинской губернской милиции П.Н. Овчинкин у представителей губернского комитета партии зимой 1920 года, и сам же отвечал на свой вопрос: «Люди в штатах и на бумаге» [2, с. 15]. Если проанализировать обнаруженное в архиве штатное расписание Челябинского губернского управления милиции с указанием имеющихся вакантных мест, то складывается следующая картина. В декабре 1920 года штатное расписание аппарата губернской милиции предусматривало 97 сотрудников [3, с. 16]. Фактически же работало 45 человек. Таким образом, общий некомплект составлял 52 человека или 64%. Полностью некомплектованными оставались отделение промышленной милиции, инспекторское отделение и курсы командного состава. По штатному расписанию имелось семь должностей начальников подразделений губернского управления милиции. Из них четыре были вакантны. Таким образом, некомплект командного состава составлял 4 человека или 42%.

В целом, положение было безрадостным. Но архивные источники показывают, что на местах недостаток милицейских кадров ощущался ничуть не менее остро, чем в губернском управлении. Так, коллегия отдела управления Куртамышского уездного исполкома сообщала в губмилицию, что некомплект командного и рядового состава Куртамышской уездной милиции в октябре 1921 года составлял 20%, и обращалась с настоятельной просьбой о пополнении [4, с. 21]. Разумеется, кадровый дефицит негативно сказывался на эффективности деятельности местных органов внутренних дел. Достаточно констатировать, что, ввиду некомплекта кадров в Куртамышской городской уездной милиции, наружные посты при арестном доме и на улицах города были сокращены до минимума. При арестном доме вместо положенных двух постов выставлялся один, а на улицах посты не выставлялись вообще, так как городскому уездному управлению из-за отсутствия необходимого количества сотрудников пришлось ограничиться ночным патрулированием улиц разъездами конной милиции.

Кроме того, на фоне всеобщего кадрового дефицита выяснилось, что большинство не только рядовых сотрудников, но и командиров младшего и среднего звена было неграмотным и малограмотным. В архивных документах содержится масса курьезных примеров, когда понимание и усвоение приказов, распоряжений и других служебных документов представлялось им непосильной задачей. Например, в Курганском уезде сотрудники расценили служебную иерархию и внутреннюю структуру Курганской городской уездной милиции, направленную губернским управлением и называвшуюся «Схемой Курганской горуюездной милиции» как план внутреннего расположения кабинетов здания [5, с. 31].

Анализ архивных источников показывает, что данный случай отнюдь не был единичным, а отражал типичную ситуацию.

17 сентября 1921 года в Челябинске состоялось губернское совещание работников губернской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности (так называемого губчекаграма) и представителей командного состава милиции, на котором был заслушан приказ Главного управления милиции республики о ликвидации неграмотности среди сотрудников органов внутренних дел от 5 августа 1921 года и соответствующее циркулярное распоряжение ВЧК от 2 августа того же года [6, с. 7]. На основании этих документов милицмейское и партийное руководство губернии разработало план первоочередных мероприятий по ликвидации неграмотности среди работников органов внутренних дел. В городах ликвидация неграмотности возлагалась на помощников начальников городских уездных управлений милиции по политической части, которые назначались ответственными за проведение данного мероприятия. В целях ликвидации неграмотности в городах планировалось создать отдельные группы обучающихся «по усмотрению отдельного руководителя от милиции» [7, с. 8]. В уездах, в силу территориальной разобщенности подразделений милиции, сотрудникам предстояло проходить обучение в так называемых школах грамоты, которые открывали волостные чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности (волчекаграмы).

Убедившись в том, что кампания по ликвидации неграмотности и профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел проходит не вполне удовлетворительно по всей стране, руководство милиции республики возложило персональную ответственность за итоги этих мероприятий на губернских руководителей. Ужесточение дисциплинарной ответственности и некоторая стабилизация материального положения милиции привели к определенным положительным результатам – к концу 1923 года среди сотрудников милиции Челябинской губернии практически не осталось неграмотных. Далее предстояло приступить к решению вопросов специализированной профессиональной подготовки за счет создания краткосрочных милицмейских курсов и школ милиции, действовавших в губернских городах по всей стране. Анализ архивных источников показывает, что жесткие административные меры, партийная ответственность и улучшение материального положения привели к тому, что к середине 1920-х годов проблема начальной профессиональной подготовки кадров милиции была фактически решена.

Список литературы

1. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф.77. Оп.1. Д.507. Л.59.
2. Центр документации новейшей истории Челябинской области. Ф.77. Оп.1. Д.126. Л.15.
3. Центр документации новейшей истории Челябинской области. Ф.77. Оп.1. Д.126. Л.16.
4. Центр документации новейшей истории Челябинской области. Ф.77. Оп.1. Д.126. Л.21.
5. Центр документации новейшей истории Челябинской области. Ф.77. Оп.1. Д.126. Л.31.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф.Р-10. Оп.1. Д.98. Л.7.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф.Р-10. Оп.1. Д.98. Л.8.